

ГЕНДЕР И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ПОПЫТКА НОВОГО ПОДХОДА К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ¹

В последние десятилетия гендерная проблематика стала неотъемлемой частью теоретических конструкций неинституционализма, который, утвердившись в экономической науке, завоевывает авторитет и в политологии². Методология неинституционализма позволяет уточнить гендерные подходы, дополнить и детализировать их, поскольку гендерные исследования и неинституционализм имеют дело со сходным набором проблем, хотя и не перекрывают друг друга. И в том и в другом случае исследователи стремятся учесть исторический контекст, связать макрокультурные процессы с повседневностью, с тем, что происходит на микроуровне властных отношений. Исследователи гендера пишут о гендерных институтах, о гендерных логиках. Неинституционалисты делают акцент на правилах и механизмах взаимодействия людей, на их ценностных ориентациях и нормативном поведении³, пытаются вписать поведение, выбор и действие в социальный контекст.

Неинституционалисты, как и сторонники гендерного анализа политических процессов, считают гендер конституирующим элементом общественных отношений, основанным на воспринятых различиях между полами. В рамках неинституционализма гендер рассматривается как важнейший общественный институт, более того, он объявляется центральным организующим принципом общества, который наличествует во всех других общественных институтах — в экономике, на рынке труда, в семье, в государстве. А гендерный порядок⁴ определяется как институционализация осознаваемых половых различий. Неинституционалисты подчеркивают, что гендерный порядок не просто учитывается людьми, но встраивается в организации, в наличный институциональный уклад. Гендерные характеристики организаций складываются за счет определенного типа разделения труда, поведения, физической локализации и власти. Эти характеристики, в свою очередь, получают толкование с помощью определенных символов и образов, которые усиливают и воспроизводят паттерны господства и подчинения в отношениях между мужчинами и женщинами.

По мнению неинституционалистов, гендерный порядок в принципе является очень устойчивым, даже если гендерные отношения со временем видоизменяются⁵. Такую устойчивость обеспечивают несколько институциональных процессов, формирующих определенные правила поведения женщин и мужчин. Это, во-первых, заданные институциональные логики гендера, во-вторых, двоичная классификация признаков того

© Айвазова С. Г., 2007

¹ По материалам доклада, подготовленного к Четвертому конгрессу Российской ассоциации политической науки.

² Подробнее см. одно из последних изданий по данной тематике в России: Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.

³ Там же. С. 17.

⁴ Понятие, введенное политологом Р. Коннелом. См.: *Connel R. Society, the person and sexual politics*. Cambridge: Cambridge polity press, 1987. О концепции Р. Коннела подробнее см.: *Тартаковская И.* Социальное положение женщин и мужчин: гендерные проблемы постсоветской России // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 394—397.

⁵ См.: *Lorber J. Paradoxes of Gender*. New Haven: Yale university press, 1994. P. 28—30.

или иного гендерного поведения, в-третьих, его общественная легитимация. А потенциал изменений заключается, прежде всего, в сопротивлении установленным правилам, в инновациях и согласованиях со стороны индивидов. Социальные структуры стабильны, наличный порядок поддерживается, пока его не оспаривают или ему не противостоят. Общественная инерция во многом зависит от недостатка эмоциональной энергии, пригодной для вызова по отношению к системе.

Возникновение нового гендерного порядка во многом предопределяется изменчивостью, внутренними противоречиями наличных институтов, которые способны как бы случайно создавать идентичности, бросающие вызов наличному гендерному порядку. Общественные изменения могут проистекать из индивидуального сопротивления и пересмотра договоренностей или организации социального движения.

Описывая гендер как созданное и как «создаваемое», неинституционалисты подчеркивают, что гендер создан в той мере, в какой он образован и конституирован культурной и исторической ситуацией. Гендер находится «в процессе создания», когда актер предписывает, противостоит и договаривается. Общественная жизнь состоит из «паутины связей и взаимодействий» между многочисленными взаимообусловленными позициями, конфигурация которых непрерывно сдвигается. Эти подвижки создают условия как для воспроизводства гендера, так и для «проскальзывания» в его воспроизводстве, эрозии долговременных образцов. Так возникают моменты беспорядка и открытого сопротивления установленным нормам, которые могут стать источником инноваций. В конечном счете традиционный гендерный порядок разрушается в высокодифференцированных обществах, которые производят крайне разнообразные и ситуативные идентичности. Высоккодифференцированные общества способствуют сопротивлению, согласованию и обновлению и таким образом повышают вероятность вызовов сложившемуся гендерному порядку. В высокодифференцированных обществах множественность учреждений увеличивает вероятность противоречий в рамках преобладающей гендерной логики. Существование разнообразных ситуативных идентичностей способствует сопротивлению, а также предлагает множественные основания для коллективных действий.

Попробуем взглянуть с этой точки зрения на гендерные проблемы современной российской властной конструкции.

На рубеже 80—90-х годов прошлого века Россия оказалась в ситуации исторической неопределенности, выбора пути развития, когда наличный гендерный порядок потенциально мог быть оспоренным. Каким он был к этому моменту? Точнее всего его можно квалифицировать как **государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин. А в собственно политической сфере — как имитационную политику гендерного равноправия, которая строилась на сочетании скрытой маргинальности женщин и их демонстративной псевдополитической активности.**

Приступив в начале 90-х годов к созданию новых, демократических основ своего существования, российское государство было вынуждено переоформить и внешний нормативный порядок гендерных отношений, призванный придать мужчинам и женщинам некий социальный статус и наделить их определенными гражданскими правами и обязанностями. Провозглашение идеалов демократии и свободного рынка сопровождалось в тот момент распространением дискурса «прав женщин» и гендерного равноправия (например, в среде активисток независимого женского движения). Одновременно с этим другие акторы (в частности, церковь) стали настойчиво апеллировать к традиционным гендерным ценностям. Сохранялись и советские подходы к решению «женского» вопроса (у государственных чиновников и активистов ряда политических партий). Противостояние разнонаправленных гендерных дискурсов поставило российские власти перед необходимостью выбора одного из них. Выбор был

сделан в пользу «модерна» («модернити») и его институциональной логики, предполагающей гендерное равноправие в качестве обязательного условия успешного функционирования современной демократии⁶.

Чем был продиктовано этот выбор? По крайней мере, двумя факторами. С одной стороны, потребностью войти в круг наиболее развитых, демократически ориентированных стран мира и быть их признанным партнером. А для этих стран дискурс гендерного равенства — знаковый, символизирующий приверженность демократическим ценностям. С другой — необходимостью отреагировать на социальные ожидания тех групп российских граждан, которые были в тот момент движущей силой происходивших перемен. В частности, ответить на требования активных в ту пору женских организаций, выдвинувших лозунг «От равных прав — к равным возможностям».

Под их давлением в 1993 году в текст новой Конституции РФ включается норма, предусматривающая не просто равенство прав и свобод женщин и мужчин, но и равенство возможностей для их обеспечения. Эта норма закреплена в статье 19 (часть 3), которая — что знаменательно — входит в общий раздел «Права человека». Выбор в пользу данной нормы по-своему подтвердили указы Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993 г.), «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1996 г.). Кроме того, в 1996 году российский парламент принял «Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», а затем ратифицировал два основополагающих международных акта — Конвенцию МОТ (№ 156) «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и «Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Как положено в этих случаях, в соответствие с их положениями были приведены и нормы российского законодательства, включая принятый летом 2001 года закон «О политических партиях».

Сегодня на предотвращение дискриминации по признаку пола нацелены правовые нормы, включенные в главные своды государственных законов России — Трудовой, Гражданский, Уголовный, Семейный кодексы. В каждом из этих документов государство — основной субъект российской политики — заявляет о своей приверженности принципу гендерного равноправия.

Некоторые эксперты, оценивая антидискриминационный потенциал российского законодательства, подчеркивают, что в нем отсутствуют механизмы восстановления в правах лиц, пострадавших от дискриминации по признаку пола, и привлечения виновных к ответственности⁷. На наш взгляд, эта позиция не совсем корректна. Серьезные санкции за дискриминацию, а также «за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» граждан по признаку пола прописаны в целом ряде статей Уголовного кодекса РФ, в частности в статьях 136, 145, 282. Эти санкции предусматривают для нарушителей закона как солидные штрафы, так и исправительные работы и даже лишение свободы на срок от двух до пяти лет (для лиц, использовавших свое служебное положение).

С этой точки зрения можно утверждать, что формальные институты современной России нацелены на предотвращение дискриминации по признаку пола. Российское законодательство в принципе учитывает международные стандарты гендерного равноправия, которое теоретически может быть защищено с помощью судебных инстанций. Формальные институты предусматривают, что любой российский гражданин,

---

⁶ Подробнее об этом см.: Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С. 5—7.

⁷ См. Доклад Московской Хельсинкской группы «Дискриминация женщин в современной России». М.: МХГ, 2003. С. 9.

любая гражданка вправе рассчитывать на поддержку правосудия в случае, если столкнется с дискриминацией по признаку пола. А лицо, которое спровоцировало эту ситуацию, может понести достаточно серьезное уголовное наказание.

Однако как эксперты, так и активисты правозащитных организаций единодушно — и справедливо — утверждают, что данные нормы законодательства остаются практически не востребуемыми. Граждане и гражданки, столкнувшись с гендерным неравенством или дискриминацией по признаку пола как в сфере политики, так и в сфере труда или домашнего насилия, практически не используют нормы закона для обращения в суд. Их поведение предопределяют не эти нормы, а традиционные институциональные логики гендерного долженствования. Почему это так?

Дело прежде всего в том, что механизмы дискриминации оказываются более мощными, изощренными и малозаметными, чем предусмотренные возможности правовой защиты от нее. Главный секрет заключается, пожалуй, в том, что российское антидискриминационное законодательство апеллирует к конкретному индивиду, оно выстраивает схему: лицо, пострадавшее от дискриминации — лицо, допустившее дискриминацию. Такая схема предполагает, что в правовые отношения вступают конкретные лица по поводу нарушения конкретного права. То есть речь идет не о системе определенных властных отношений, а о конкретном их проявлении в конкретном случае. Но зададимся вопросом, может ли сопротивляться существующей системе гендерного неравенства конкретная женщина, которую российское законодательство признает по сути единственным субъектом права, правомочным обращаться в суд по тем или иным случаям дискриминации? Каким образом, например, она сначала осознает, а потом докажет, что руководство политической партии отказывает ей во включении в список кандидатов в депутаты или в руководящие партийные органы (или работодатель отказывается нанимать ее на вакантное рабочее место) не по профессиональным качествам, а по мотивам дискриминации, заведомо предпочитая кандидата-мужчину? И это осознание, и сбор доказательств для обращения в суд в таких случаях — задачи крайне сложные. Но еще сложнее опротестовать уже в самом суде подобные факты дискриминации.

Очевидно, что индивидуальные обращения в суд по такого рода поводам вряд ли будут эффективными. Здесь, скорее, нужны коллективные действия в защиту гражданских прав тех, кто подвергается дискриминации по признаку пола. Не случайно международное сообщество включает категорию «права женщин» в особый раздел прав человека, квалифицируя их как «права человека третьего поколения». Основное отличие этой категории прав человека от двух других — «естественных» и «основных» — заключается в их «коллективном» характере. Если права человека первых двух поколений обращены к индивиду, то коллективные права адресованы скорее к определенным социальным группам, нуждающимся в дополнительных гарантиях для защиты своих прав и обеспечения «жизненных шансов»⁸. Главным образом потому, что — опять же в отличие от двух первых категорий — эти права в полной мере невозможно отстоять на индивидуальном уровне. Задача защиты этих прав — и, таким образом, диффузии норм гендерного равноправия — в таком случае ложится на общественные организации, которые должны обрести соответствующие правовые полномочия, а также на государство и политические партии. В этом во многом — основания для развития массового женского движения.

Чтобы полнее раскрыть этот тезис, посмотрим, с чем сталкиваются россиянки в тех редких случаях, когда они все же обращаются в суд по поводу дискриминации. Как утверждают эксперты, чаще всего немногочисленные иски по дискриминации разбиваются о глухую стену непонимания со стороны судебского корпуса. По словам

---

⁸ Понятие одного из крупнейших мыслителей современности Р. Дарендорфа. См. *Дарендорф Р. Современный социальный конфликт*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 45.

экспертов, российские судьи в большинстве своем убеждены в том, что дела, связанные с дискриминацией по признаку пола, являются социально незначимыми — неопасными и даже несерьезными⁹. Такое непонимание свидетельствует о резком разрыве между российским законодательством в сфере обеспечения гендерного равноправия и соответствующей правоприменительной практикой.

Эти факты заставляют прийти к выводу о том, что российское государство, всерьез продвинувшее де-юре проблематику гендерного равенства и преодоления дискриминации по признаку пола, де-факто не использует своих возможностей для развития правоприменительной практики по соответствующим статьям действующего законодательства. Характерно, например, что практически все принятые властями (исполнительной и законодательной) документы по реализации принципа гендерного равноправия имели сугубо декларативный характер — они не предусматривали ни финансовых, ни организационных ресурсов для выполнения тех обязательств, которые формально были взяты государством. Так, из государственного бюджета не финансировались напрямую ни первый, ни второй национальные планы по улучшению положения женщин. Показательно и то, как претворялось в жизнь требование международных договоров о создании единого национального механизма (или властной вертикали), предметом деятельности которого должно было стать обеспечение гендерного равенства. Отметим, что такие структуры эффективно работают практически во всех развитых демократиях мира, всерьез озабоченных реализацией прав человека. В России же их строительство, едва начавшись, оборвалось. Многочисленные комитеты и комиссии¹⁰, обладавшие в основном консультативно-координационными функциями, были свернуты. И не потому, что их деятельность была социально незначимой. А потому, что государство довольно скоро перестало испытывать потребность в признании в этой сфере со стороны мирового общественного мнения — оно окрепло и обрело иные формы и возможности влияния (такие, например, как поставка нефти, газа, оружия).

В 2000 году, после пяти лет работы, при реорганизации Администрации Президента исчезла Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Точно так же после очередного реформирования Совета федерации растворился в недрах новых структур Комитет по делам женщин при Председателе Совета федерации. Кроме того, в процессе административной реформы и сокращения правительственных подразделений, которое пришлось на весну 2004 года, были ликвидированы: Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ; Департамент по делам детей, женщин и семьи, работавший в составе ликвидированного Министерства труда и социального развития. Это были единственные правительственные структуры, хоть в какой-то мере отвечавшие за состояние дел в сфере гендерного равноправия. Данные сокращения привели также к исчезновению Круглого стола женских организаций, сформированного в определенный момент при Министерстве труда и социального развития как канал взаимодействия исполнительной власти и женских неправительственных объединений. Таким образом, произошел хоть и негласный, но совершенно явный поворот в государственной политике — от признания нормы гендерного равноправия к ее профанации или умолчанию.

Этот поворот отчетливее всего дал о себе знать при обсуждении в 2005 году в Государственной думе нового избирательного законодательства, предусматривающего

---

⁹ См. выступление Н. В. Исаевой — эксперта юридической клиники при Законодательном собрании Ивановской области на семинаре Консорциума женских неправительственных объединений 9 июня 2006 г., размещенное на сайте: www.wcons.org.ru

¹⁰ В их числе: Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи в Государственной думе, Комиссия по делам женщин при Председателе Совета федерации, Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ, Департамент по делам детей, женщин и семьи в Министерстве труда и социального развития.

переход страны от смешанной к пропорциональной системе голосования на парламентских выборах. Женские организации, используя свои каналы влияния, попытались внести в это законодательство такие поправки, которые включали систему мер, призванных гарантировать соблюдение прав женщин при отправлении пассивного избирательного права (то есть права быть избранными в органы власти различных уровней). Они требовали прежде всего, чтобы число лиц одного пола в списках кандидатов не превышало семидесяти процентов от их общего количества. И утверждали, что данные поправки являются развитием тех норм гендерного равенства, которые уже закреплены в действующей Конституции, Законе о политических партиях и других законодательных актах, но в виде принципов, а не конкретных положений.

Эти поправки были переданы в рабочую группу Комитета по государственному строительству и конституционному законодательству Государственной думы. И натолкнулись на сопротивление значительной части законодателей, представлявших как правящую, так и оппозиционные партии в парламенте. Основным аргумент против поправок звучал символически: «Вы требуете отдать женщинам 30 % мест в парламенте. Сегодня они имеют 10 % этих мест. Это значит, что 20 % мужчин должны потерять свои места в списках. Это — дискриминация». И второй аргумент: «Мои избирательницы не хотят, что женщины шли в политику. Этого требуют только феминистки. Я буду защищать позицию моих избирательниц»¹¹. Естественно, что в такой ситуации данные поправки не прошли.

Очевидно, что формальные институты равноправия никак не согласуются с преобладающими (неформальными) правилами поведения представителей всех трех ветвей государственной власти (исполнительной, законодательной, судебной).

Логика институционального подхода заставляет поставить вопрос о том, кто еще из акторов политического процесса, кроме женских организаций, потенциал влияния которых был не слишком высок, мог способствовать развитию, конкретизации официально принятых норм гендерного равенства и их диффузии в общественную жизнь? Кто мог оказывать давление на государство, побуждая его реализовать на практике эти нормы? В развитых демократиях эту роль, как правило, берут на себя политические партии. Как вели себя в этом случае российские политические партии — основные партнеры государства на поле политики?¹² Подчеркнем прежде всего, что женщины, судя по самым разным данным, составляют большинство среди рядовых членов практически всех политических партий, за исключением ЛДПР, крайних экстремистов и националистов. Но их почти нет среди руководителей парламентских партий, оказывающих реальное воздействие на политический процесс. Поскольку главной задачей ведущих российских политических партий, так или иначе, было участие в избирательном процессе, то остановимся на том, как они обеспечивали включение (или маргинализацию) женщин в этот процесс.

Самый значимый материал для ответа на поставленный вопрос нам удалось получить, разбирая с гендерной точки зрения результаты парламентских и президентских выборов. Два цикла этих выборов, пришедшиеся на 1999—2000 и 2003—2004 годы, стали объектом нашего специального внимания¹³. Анализ многочисленных материалов данных избирательных кампаний — списков кандидатов в депутаты, партийных программ и

---

¹¹ Личное наблюдение автора данной работы, входившей в состав рабочей группы Комитета по делам женщин, семьи и детей ГД, которая разрабатывала эти поправки, и участвовавшей в их согласовании с депутатским корпусом.

¹² Речь пойдет только о тех политических партиях, которые оказывали реальное влияние на политический процесс, участвуя в парламентских выборах и побеждая на них.

¹³ См.: Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах: Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. М.: Эслан, 2000; *Они же*. Мы выбираем, нас выбирают...: Гендерный анализ избирательных кампаний 2003 и 2004 годов в России. М.: Олита, 2004.

уставов, официальных результатов выборов, публикаций в средствах массовой информации и т. д. — позволил придти к нескольким основным выводам.

Вывод первый: практически все политические партии и блоки — реальные участники предвыборной гонки и в 1999-м, и в 2003 году предоставляли женщинам и мужчинам совершенно разные шансы для завоевания мест в российском парламенте. Так, в избирательной кампании 2003 года в общефедеральных списках партий — фаворитов избирательной кампании («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Родина», «Яблоко», СПС) насчитывалось в сумме только около 10 % женских имен: «Единая Россия» — 8 %; КПРФ — 11 %; ЛДПР — 8 %; «Родина» — 8 %; СПС — 11 %; «Яблоко» — 15 %. Примерно так же они поддерживали женщин в одномандатных округах¹⁴.

Вывод второй: предлагая на выбор избирателю списки, где среди десяти мужских имен значилось всего лишь одно женское, и чаще всего не в начале, а в конце списка, они возводили свой, по существу основной, институциональный барьер на пути женщин в Государственную думу. Тем самым партии откровенно нарушали требования Конституции и закона «О политических партиях», которые, повторим, содержат норму равенства возможностей женщин и мужчин. Однако эти нарушения не получили никакой оценки, и уж тем более санкции, ни со стороны Центральной избирательной комиссии, ни со стороны соответствующих правовых ведомств.

Вывод третий: существует прямая корреляция между процентом женщин, выдвинутых в этих избирательных кампаниях в качестве кандидатов в депутаты как по общефедеральным спискам, так и по спискам одномандатников, и процентом женщин, получивших депутатский мандат. Выдвигают партии около 10 % женщин, примерно столько же оказывается в парламенте.

Эти подсчеты опровергают широко распространенный миф о нежелании избирателей поддерживать женщин на выборах. Фактические данные говорят о том, что у избирателей нет серьезных предубеждений в отношении баллотирующихся женщин. Гендерные итоги избирательных кампаний в конечном счете зависят не от избирателей. Основной фактор здесь — технология выборов. Избирателям предлагают определенный набор имен, выйти за его пределы они не могут.

Именно поэтому макроуровень российской власти сохраняет в начале XXI века, века прорыва женщин к вершинам политической власти практически на всех континентах — в Европе, Азии, Латинской Америке, Африке, ярко выраженные очертания характерной для традиционного общества «гендерной пирамиды». Насколько прочна эта пирамида? Чтобы получить ответ на этот вопрос, важно понять, как относятся к такому порядку вещей российские граждане, одобряют ли они его? Судя по самым разным опросам общественного мнения, включая наши собственные, почти две трети респондентов осознают факт неравенства шансов мужчин и женщин в политике¹⁵. И более 50 % из них убеждены в том, что представительство женщин в структурах власти должно быть равнозначным мужскому. В частности, по данным службы «Левада-центр», полученным в результате опроса, проводившегося в канун 8 марта 2006 года, большинство россиян склонно полагать, что увеличение доли женщин в руководстве страны привело бы к положительным переменам. Более трети респондентов (37 %) считают, что если бы на ответственных постах в России было больше женщин, то в стране стало бы больше доброты, заботы о людях со стороны государства. 30 % респондентов думают, что в этом случае в стране стало бы больше порядка, 24 % полагают, что стало бы меньше конфликтов, жестокого противостояния различных политических сил¹⁶.

Похоже, что потенциально наши сограждане — в отличие от представителей политической элиты — готовы легитимизировать демократический гендерный порядок.

¹⁴ Айвазова С., Кертман Г. Мы выбираем, нас выбирают... С. 14—16.

¹⁵ См.: Институциональная политология. С. 479—480.

¹⁶ См.: www.levada.ru/press (март 2006).

Такая готовность есть еще один признак возникновения «логик несоответствия» (между ожиданиями избирателей и поведением политиков) на российской политической сцене, а значит — и возможной трансформации нынешнего гендерного порядка России.

Пока же приходится признать, что при форматировании своей новой политической конструкции российское государство рассматривало проблематику гендерного равенства не как конкретную задачу, требующую немедленных процедурных и технологических решений, а скорее как некую имитацию, или «игру в гендер». Такая «игра» по определению не способна обеспечить ни интеграции женщин в политический процесс, ни реальной смены гендерных логик в функционировании политических институтов. Она оборачивается откровенной дискриминацией женщин в поле политики.

Отчуждение женщин, консервация традиционных гендерных логик в этом поле является одной из латентных причин резкого обострения гуманитарных проблем российского общества. За самыми серьезными из них — демографическим кризисом, детской беспризорностью и безнадзорностью, высокой и ранней смертностью мужчин — скрываются нерешенные вопросы прав женщин. Сталкиваясь с систематическим нарушением своих прав, женщины, у которых нет ни достаточного числа своих представителей в структурах власти, ни навыков отстаивания своих прав в суде, действуют теми методами, которые им доступны. Порой самыми примитивными и в то же время самыми асоциальными из них — они, например, отказываются рожать и воспитывать детей. И пока ситуация не изменится, государству не решить ни вопросов демографии, ни проблем детского сиротства при живых родителях, на которые оно обращает сейчас самое пристальное внимание.

Значит ли это, что нынешние реформы сопровождаются не столько модернизацией, сколько архаизацией поля российской политики? С гендерной точки зрения на сегодняшний день ситуация выглядит именно так¹⁷.

---

¹⁷ См. подробнее: *Айвазова С.* Гендер и российская политика // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2004. С. 144—157.